

Леночка

Ничего не было слышно, кроме воя ветра за окном. В комнате горела неяркая настольная лампа. Красивая женщина лет тридцати восьми, время от времени убирая с лица чёрные волнистые волосы, сидела над столом над толстой тетрадью, исписанной, как ей теперь казалось, детским почерком. Но ведь эти строки вырывались ветром из сознания взрослого человека. Леночка тогда просто не чувствовала в руках карандаша и не видела линеек в тетради, она только или счастливо смеялась одними глазами, боясь разбудить кого-нибудь, ведь время для вверения тайн дневнику девочка выбирала исключительно по ночам, или стирала щёки докрасна, беспрерывно смахивая с них слезы. Пятнадцатилетняя Леночка любила, тем летом она даже не жила, она только любила. Всё счастье её заключалось в одном только взгляде, в одном только поцелуе, в одном только имени – Сашка.

«Сегодня мы с мамой и папой опять ходили к Сорокиным на ужин. Просто удивительно, но на этот раз мне не было скучно у них. Зануда Васька познакомил меня со своим другом Сашкой. Весь вечер они просматривали какие-то книги, совершенно не обращая на меня внимания, но я была так рада этому, ведь я могла спокойно наблюдать за Сашкой; он очень, очень, очень красивый...»

Женщина подняла глаза от тетради, не желая читать подробное описание какого-то мальчика. Она понимала, что ей это не нужно. Спустя минуту, женщина стала мельком просматривать не интересующие её восторженные фразы, даты, которыми Леночка обозначала свои записи, так же оставались без внимания. Вдруг взгляд женщины остановился...

«Он взял меня за руку, но почему-то очень долго молчал, и я молчала тоже. Потом мы стали говорить о чём-то постороннем, так же непринуждённо как прежде, как друзья. Как будто он не держал мою руку в своей, как будто мы не были так близко. Но вдруг наступило неловкое молчание, он посмотрел на меня и сказал, что “начинает” влюбляться в меня. Он не любит меня, он “начинает” любить. Разве так можно, неужели так бывает? Что мне делать? Нельзя “начинать” любить и “заканчивать”, можно просто любить. Я не понимаю тебя, Сашенька. Я никогда тебя не понимала...»

Женщина встала из-за стола и подошла к окну. Она почувствовала, что ещё больше замерзает. Уже собравшись отойти, она заметила своё отражение на стекле. На неё взглянула взрослая, уставшая, многое повидавшая в жизни

женщина. «Разве можно “начинать” любить? – шёпотом спросила она у своего отражения. – Нельзя».

Грустно улыбнувшись чему-то, что было понятно ей одной, женщина вернулась к дневнику.

«Мы гуляли, гуляли с ним допоздна. Он обнимал, говорил... Ах, чего только он не говорил мне... Целовал, целовал, а как я его целовала: крепко-крепко.

Вот только он не любит меня. Иногда мне кажется, что он совсем из другого мира. Он говорит, а я не понимаю. Он считает меня дурой. Я слышала, он говорил Ваське, что я “тяну его на дно”, что со мной ему скучно».

Разница между датами написания предыдущих строк и последующих составляла почти месяц:

«Вот уже четыре недели я не видела Сашку. Трус! Трус! Трус! Ему страшно сказать мне всё в лицо, что он не любит меня, что не хочет больше видеть, что у него... другая. Да другая, я это точно знаю, мне Васька сказал, а ведь они с Сашкой друзья. Если бы он хотя бы уважал меня, я бы его простила. Но нет, единственное, что он думает обо мне: «Симпатичное личико». Как будто я и не человек вовсе, а кукла какая-нибудь. Как бы я хотела ненавидеть тебя, Сашка...»

Как могла эта пятнадцатилетняя девочка хотеть ненавидеть, когда она была способна только любить – жертвенно, пламенно. Уставшая и уже равнодушная к переживаниям Леночки, женщина взяла ручку из карандашницы, стоявшей в углу стола, и спокойным ровным почерком дописала на жёлтой бумаге дневника:

«Я страдала из-за вас, Александр, но теперь я вам признательна за всё, что имею. Если бы вы не обвиняли меня в глупости и не самостоятельности, ничего бы из меня не вышло».

В каком-то внезапном порыве ей захотелось перечеркнуть слова «вас, Александр» и написать «тебе, Сашенька», но её оправданная гордость и женское самолюбие заглушили это желание. И, в конце концов, она осталась довольна этим обращением, сказанным как бы свысока.

– Леночка, милая, почему ты не спишь?

Женщина вздрогнула от неожиданности и обернулась на взволнованный мужской голос.

– Я не могла уснуть и решила почитать немного, уже иду, – ответила она и быстрым движением руки закинула дневник в ящик своего стола.

Мужчина дождался, когда она выйдет из кабинета, увидел, что она сжалась от холода, обнял её и повёл к спальне.

– Я хочу взглянуть на Сашеньку, – неожиданно произнесла Елена.

– Хорошо, дорогая, – ответил удивлённый, но не ставший задавать вопросы муж.

Елена вошла в дверь соседнюю с её спальней и подошла к маленькой кроватке. Увидев, как похожа эта маленькая девочка на крупного мужчину, стоявшего у двери в комнату и с любовью и беспокойством смотревшего на жену и дочь, она благодарно улыбнулась ему. Потом поправила одеяло и тихо сказала:

– Сашенька, доченька, я люблю тебя.